

Луна яркая, звёзды редкие, в тёмно-синем небе птицы взлетают, встревоженные.

Из комнаты доносились заставляющие фантазировать прерывистые вздохи, занавесь из гибискуса была тепла.

Фу Чэнцы перевернулся, прижав человека под собой, частые поцелуи опустились на его белую и стройную шею, тёплое прикосновение вызвало лёгкую дрожь у того, кто был в его объятиях.

Кровать скрипнула, мягкое одеяло подстилалось под тело, пропитываясь потом, становясь влажным.

Фу Чэнцы с огромным терпением помогал Лу Це снять одежду, кончики пальцев скользили по его коже, вызывая мурашки, от которых он невольно съёживался.

Голос Фу Чэнцы был низким, выдавая долгожданное удовольствие, он склонил голову и с лёгкой улыбкой произнёс:

— Уже не можешь выдержать?

Лу Це встретился с его ярким взглядом, в помутнении сознания обнял его за шею и, наклонившись, поцеловал.

Фу Чэнцы почувствовал, как накатил волна жара, и грубо прижал человека под собой.

Бурная страсть длилась неизвестно сколько, оба немного устали.

После того как телесный жар отступил, лёгкий, едва ощутимый ветерок, коснувшись кожи, заставил содрогнуться, Лу Це невольно прижался ближе к Фу Чэнцы.

Фу Чэнцы оттолкнул прильнувшее к нему тело, перевернулся и подвинулся спать дальше к стене.

Всё тело было окутано липким потом, что вызывало отвращение.

Лу Це переступил через Фу Чэнцы, желая самому справиться с этим, но, как только он раздвинул ноги, подступила смущающая боль, на лбу мгновенно выступил холодный пот.

Лу Це взял лежавшую рядом маску из белого нефрита, надел её на лицо, при ходьбе его голени слегка дрожали.

На улице пошёл снег, на нём была всего одна тонкая одежда, силуэт хрупкий, под маской из белого нефрита можно было разглядеть чёткую линию подбородка, а ниже — длинную шею.

Окружающие люди были заранее предупреждены, по дороге к маленькой кухне Лу Це не встретил ни одного слуги.

Он нагрел немного воды, нашёл чистую тряпку, вытер липкий пот, но даже эти действия уже заставили его почувствовать усталость.

Когда всё было сделано и он собрался возвращаться, снег с дождём на улице стали ещё сильнее, Лу Це плотнее закутался в тонкую одежду, сожалея, что, выходя, не захватил попутно плащ Фу Чэнцы, лежавший рядом, который хотя бы защищал от ветра.

Главное помещение напротив непоколебимо и устойчиво стояло в ветре и дожде, а он жался в

этой продуваемой со всех сторон маленькой кухне в одиночестве, хотя совсем недавно они вдвоём наслаждались на одной кровати.

Он думал, что так называемые служанки для утех вряд ли были в более трудном положении, чем он — после дела самому приводить себя в порядок, да ещё и без сна.

Когда ветер и дождь утихли, Лу Це уже успел слегка вздремнуть, лишь чувствуя, что лицо под маской дышит смешанным жаром.

Приложив тыльную сторону руки к открытой коже, он ощутил лёгкий жар, Лу Це подумал, что у него, наверное, температура.

Фу Чэнцы рано утром покинул резиденцию, с начала до конца не поинтересовавшись, куда отправился Лу Це, будто его существование его не волновало.

Лу Це вошёл в главные покои после его ухода, переоделся в свою одежду, затем вышел через боковую дверь и вернулся в своё жилище.

Это был самый обычный переулок, дом был отделан очень просто — одна кровать, один стол, даже чашку для чая принёс тёмный стражник, который приносил ему еду, увидев, что тому не из чего пить.

Он пробыл в Цзянбэе год, и, если не было нужды у того человека, обычно никогда не покидал этот дом.

Как тонущий человек нуждается в спасительном бревне, этот небольшой дом был его последним пристанищем в Цзянбэе.

На следующий день этот ветхий маленький двор посетил незванный гость — тёмный стражник, ежедневно приносивший ему еду:

— Господин Лу, второй гунцзы очнулся и хочет повидать вас.

Лу Це без колебаний положил ранее лежавший на столе короткий клинок за пояс и пошёл за вызвавшим его тёмным стражником.

Они обогнули несколько коротких переулков и подошли к резиденции князя Цзянбэя.

Если говорят, что под небом нет земли, не принадлежащей государю, и в пределах четырёх морей нет людей, не являющихся его подданными,

то князем Цзянбэя, без сомнения, был Фу Чэнцы — молодой, но держащий в руках мощное войско, охраняющий одну сторону, в эту бурную эпоху он был объектом, которого все хотели переманить на свою сторону.

Когда Лу Це прибыл, второй гунцзы резиденции Цзянбэя, Фу Ицзинь, сидел у окна в тёплой парчовой шубе, любуясь пейзажем.

Оглядевшись, он обнаружил, что в комнате только он один, Лу Це облегчённо вздохнул, подошёл и закрыл окно. Фу Ицзинь взглянул на него, нахмурил брови и недовольным голосом сказал:

— Кто разрешил тебе, сыну шпиона, трогать окно бэн-гунцзы?

С исчезновением сквозняка из окна в комнате сразу стало намного теплее. Возможно, узнав, что того человека нет, его манеры и поведение невольно стали более расслабленными. Лу Це лениво потянулся и начал разглядывать обстановку в комнате молодого господина, равнодушно произнеся:

— Хотя бы потому, что эту твою жизнь спас именно я, сын шпиона.

После этих слов лицо молодого господина, до этого белое, как нефрит, мгновенно покраснело, его голос полон насмешки:

— Я слышал, ты прошлой ночью ночевал в резиденции? Ты и вправду бесстыжий, не знаю, какого дурмана мой старший брат от тебя напился, что лёг с тобой в постель!

Лу Це усмехнулся:

— Не могу оторваться, понимаешь?

Фу Ицзинь взглянул на лицо, скрытое маской, с пренебрежением сказав:

— Я слышал, когда мой старший брат ночует с тобой, он всегда гасит свет, боится, что твоя внешность насмерть напугает!

Лу Це провёл рукой по заострённому подбородку под маской, красный язык лизнул плотно сжатые губы, скрытая улыбка и блеск в глазах были неясного значения, он тихо произнёс:

— Да?

В комнате воцарилось молчание, Фу Ицзинь пролежал в постели три месяца, и сейчас, даже сойдя с кровати, ему всё ещё приходилось сидеть в инвалидной коляске. Увидев, что звук ударов снега о оконную бумагу стал тише, Фу Ицзинь, вспоминая только что мельком увиденный пейзаж, невольно возжелал полюбоваться внешним видом, он обратился к апатичному Лу Це:

— Ты, подойди, кати бэн-гунцзы прогуляться на улицу.

Лу Це промычал, встал, взялся за коляску и выкатил человека наружу. Дорожки в саду были очищены слугами от заграждающего снега, обнажив неровную гальку на тропинке, коляска на этой дороге подпрыгивала.

Они пришли в довольно просторный двор, Лу Це сел на выступающий камень искусственной горы, а Фу Ицзинь в одиночестве катил коляску, прогуливаясь рядом.

Фу Ицзиню в этом году всего шестнадцать, самый что ни на есть юный возраст, плюс он пролежал в постели так долго, что даже окна и двери были плотно закрыты, от открывания до закрытия глаз всё, что он видел, были балки над кроватью.

Коляска с трудом двигалась по галечной дорожке, он хотел использовать ледяную поверхность впереди, чтобы развернуться, но не ожидал, что заскользит всё дальше внутрь. Когда Лу Це отвёл взгляд от одного из дворов переднего двора, коляска уже застряла в центре ледяной поверхности.

Глубокие пруды обычно замерзают только с поверхности, лёд хрупок, на прозрачном тонком льду уже появились трещины. Лу Це выплюнул травинку, которую держал во рту, опёрся на

выступающий камень и спрыгнул вниз, не сдержавшись, выругался про себя.

Фу Ицзинь тоже увидел трещины под собой, он был так напуган, что не смел пошевелиться, вцепившись в коляску. Если лёд треснет, и он упадёт в воду, это может стоить ему ещё полжизни.

На звук прибежали двое стражников резиденции, один из них только ступил на лёд, как появилась трещина.

Лу Це оттащил их назад, снимая плащ и короткий клинок, одновременно не забывая сказать:

— Я сам, вы идите подготовьте врача для второго гунцзы.

Сказав это, он сбросил всю защищающую от ветра верхнюю одежду, остался в тонкой рубаше, легковесный силуэт прыгнул, словно взлетел в воздух, и в мгновение ока грациозно приземлился на льдину.

Только он вошел в стойку, как Фу Ицзинь в центре льда радостно крикнул в сторону берега:

— Братец! Я здесь, скорее спаси меня!

Фу Чэнцы быстро оценил ледовую поверхность, затем сказал:

— Сяо Цзинь, сиди смирно, слушайся Лу Це.

Лу Це последовал за его взглядом и увидел Фу Чэнцы, стоящего на берегу с мрачным лицом, недобро смотрящего на него, будто в следующий момент готового разорвать на части.

Фу Чэнцы не стал действовать опрометчиво, он знал, что если на льду добавится ещё один вес, лёд в любой момент может расколоться.

Его голос леденяще предупредил:

— Лу Це, если с моим братом что-нибудь случится, я обязательно заберу твою жизнь!

Услышав это, пальцы Лу Це неестественно сжались, неладное ощущение под ним из-за только что совершённых движений усилило боль. В душе он горько усмехнулся — говорят, князь Цзянбэя бессердечен и холоден, и это действительно так.

Шаги Лу Це были лёгкими, на льду почти не издавая ни звука. На расстоянии одного шага от Фу Ицзиня Лу Це протянул ему руку:

— Дай мне руку.

<http://bllate.org/book/15603/1392717>